

эта поразила одна из форм шизофрении.

Ему становилось всё хуже. Несколько раз он пытался покончить с собой. Никакое лечение не помогало.

Последней надеждой было лечение в психиатрической клинике в Зонненштайне (Германия). В 1824 году Батюшкова отвёз туда Жуковский.

Четыре года, проведённые в Зонненштайне, не дали облегчения. Бред и галлюцинации чередовались с периодами ремиссии. Больному становилось лучше; в такие дни он занимался рисованием, лепил фигурки из воска. Затем наступало обострение, в больном воображении возникали картины пыток, которым его якобы подвергали в клинике. "Хочу домой, в Россию!" – постоянно твердил он.

В 1827 году консилиум немецких врачей признал болезнь неизлечимой. Летом 1828 года немецкий врач Антон Дитрих привёз Батюшкова в Москву.

По приезду Батюшкова поместили в специально нанятом для него доме. Там он прожил два года вместе с врачом и немногочисленной прислугой. Состояние его не изменилось. Доминантой стал религиозный бред.

"Несчастный живёт в согласии лишь с небесами, – писал Дитрих. – Объявил, что он сын Бога, и называет себя "Константин Бог".

Близким людям невыносимо было видеть страдания безумного поэта.

Весной 1830 года Батюшков заболел воспалением лёгких. От этого недуга в ту пору умирало 99% заболевших. У постели больного собрались друзья, отслужили всеобщую. Был Пушкин, но Батюшков не узнал его – он уже никого не узнавал. Под впечатлением этого визита Пушкин написал знаменитое "Не дай мне Бог сойти с ума..."

Батюшков сумел преодолеть кризис болезни, начал есть и понемногу поправляться. Через месяц он окреп физически, но в психическом отношении улучшения не наступило. Провидению было угодно сохранить ему только жизнь тела.

ЧЕСТНЫЙ НЕМЕЦ ДИТРИХ, УБЕДИВШИСЬ в невозможности излечения, уехал из России, а Батюшкова отправили на родину, в Вологду, на попечение родных.

Там болезнь смягчилась, приняла вялотекущую форму. Он много читал, любимым его занятием стало рисование, в котором он достиг немалых успехов.

Батюшков прожил в Вологде до самой смерти. Он умер от тифа в 1855 году в возрасте 68 лет, пережив многих современников – и Гнедича, и Жуковского, и Пушкина.

"Что писать мне и что говорить о стихах моих! Я похож на человека, который не дошёл до цели своей, а нёс он на голове красивый сосуд, чем-то наполненный. Сосуд сорвался с головы, упал и разбился вдребезги. Поди узнай теперь, что в нём было!" ■